

Две задачи по лексикологии русского языка

Н.В. Лялько

Имя задачи: Живое слово русского языка

Автор: Лялько Н.В.,
учитель русского языка и ли-
тературы Образовательного
центра «Гармония» г. Влади-
востока.

Предмет: Русский язык.

Класс: 5.

Тема: Лексикология.
Заемствованные слова.

Профиль: Общеобра-
зовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. Если бы
принцессу поселили в са-
рае, Снежную королеву — на
чердаке, а царя Салтана в
больничной палате, то все
они, вероятно, оскорбились
бы. Распутайте словесный
узелок, заглянув в историю
слов, которые стали так не-
приветливы к столь высоким
особам. Когда и при каких
обстоятельствах эта ситуа-
ция могла быть нормальной,
не вызывающей недоуме-
ния?

а) Выделите ключевые слова для
информационного поиска.

б) Найдите и соберите необхо-
димую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте
собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с вы-
водами известных людей.

Возможные информационные источники

Книги:

Глинкина Л.А. Современный эти-
мологический словарь. Объяснение
трудных орфограмм. М.: Астрель,
2009.

Черных П.Я. Историко-этимоло-
гический словарь современного рус-
ского языка. М.: Русский язык, 1999.

Фасмер М. Этимологический
словарь русского языка: В 4 т. М.:
Прогресс, 1987.

Web-сайты:

<http://ru.wikipedia.org/wiki>

<http://www.classes.ru/>

<http://genling.ru/>

Культурный образец

Гребенщикова Н.С. *Историко-
лингвистический комментарий на
уроках словесности.* — Минск: Асар,
1998.

Слово **сарай** при заимствовании
изменило своё значение. В тюркских
языках *sarai* «дом, дворец»; «комната
для жилья»... В русском языке са-
рай — дощатая нежилая хозяйствен-
ная постройка. Такое изменение се-
мантики связано, очевидно, с тем,
что восточные дворцы (сарай) пред-
ставляли собой лёгкие, неотапливае-

мые постройки и не были приспособлены для жилья на севере... Другое же тюркское слово в русском языке раздвоилось и превратилось сразу в обозначение роскошного жилья и в его своеобразный антоним. Это персидское *cartak* (сар «четыре», так «балкон, портик»), чертог. Поэты полюбили это слово. В XVIII в. **чертог** — это торжественное высокопарное название жилища, возможно и скромного...

Затем за словом чертог (чаще чертоги) закрепляется значение «богатого пышного жилища»; места обитания богов и царей.

«Из золота слиты чертоги мои», — говорит лесной царь в балладе Жуковского. Имея в виду русского царя, Пушкин пишет «Владыка севера один в своём чертоге // Безмолвно бодрствовал...».

Персидский *cartak* «дворец с четырьмя балконами» превратился в турецкое, татарское *cardak* «верхняя комната, балкон», и с таким значением ещё раз вошёл в русский язык — теперь уже как **чердак**. **Чердак** — жилая надстройка на судне. В таком значении употребляет это слово граф Пётр Андреевич Толстой, русский государственный деятель (стольник), который в 1697–1698 гг. посетил Венецию и составил «Статейный Список» (подробный дневник) о своём путешествии. Описывая венецианскую гондолу, П.А. Толстой сообщает: «А на середине сделан чердак с окончинами и завесами изрядными (изрядный — превосходный, отличный, необыкновенный, особый; красивый) покрыты и в нём лавки изрядные с подушками».

Как мы видим, **чердак** в таком понимании — довольно роскошное *изрядное* устройство.

Однако довольно скоро **высок чердак** превратился в сознании людей в убогое, неудобное помещение... Сейчас слово **чердак** не обозначает ни строения, ни жилья, для нас это нежилое помещение в верхней части дома...

А откуда взялись в былинах и сказках **палаты белокаменные**? От латинского *palatium*, от которого в свою очередь произошли и польское *pałac* и итальянское *palazzo* (в русском языке есть и **палаццо** «роскошный дворец в итальянском стиле»), и старославянское и древнерусское **полата** «дворец, покой, шатёр».

А как ведёт себя это слово в художественной литературе?

У Пушкина в «Сказке о рыбаке и рыбке» палаты — это царский дворец, вершина восхождения старухи (из землянки в «избу со светёлкой», затем в «высокий терем», а оттуда в **«царские палаты»**).

А перечитывая «Сказку о царе Салтане», мы узнаём что палаты — это покои, внутренние богатые помещения царского дворца:

Вот на берег вышли гости,
Царь Салтан зовёт их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в **палате**...

В поэме Е.А. Баратынского «Цыганка» палаты — это богатые жилища, противопоставленные убогим домишкам бедноты:

Неделя светлая была
И под Новинское звала
Граждан московских. Всё бежало,
Всё торопилось: стар и млад,
Жильцы **лачуг**, жильцы **палат**...

В наше время слово **палата** сохранилось в названиях некоторых учреждений как синоним слов **учреждение, заведение**: Палата мер и весов, Оружейная палата; оно может обозначать отделение парламента (Верхняя палата, Палата национальностей), обозначает комнату в больнице, в которой помещаются больные (своего рода жилые покои).

Методический комментарий

Необходимо сделать акцент на том, что явление многозначности может иметь историческую основу, временную характеристику, может быть связано с заимствованиями. «Обрусевшие» заимствованные слова часто приобретают значения, связанные, например, с местными условиями и традициями, «приспосабливаются» к русской ментальности. Ключевые слова для информационного поиска: сарай, чердак, палата.

Имя задачи: Атлас и атлас

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы Образовательного центра Гармония г. Владивостока.

Предмет: русский язык, литература, география (метапредметная задача).

Класс: 5–6.

Темы: Лексикология. Омонимы. Топонимика. Легенды и мифы Древней Греции.

Профиль: Гуманитарный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. Слова **атлас** и **атлас** — гости. Из каких языков пришли они в русский язык? Их графический

образ совершенно одинаков, но звучат они по-разному. А каково их лексическое значение? Как называются такие слова? Какие географические названия являются родственниками одного из них? С чьим именем они связаны?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Книги:

БСЭ (Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т.2. С. 380.

Успенский Л. Почему не иначе? М.: АСТ: Зебра Е, 2009.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М: Русский язык, 1999.

Web-сайты:

<http://ru.wikipedia.org/wiki>

<http://lib.deport.ru/slovar>

<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term>

http://fictionbook.ru/author/anatoliyi_pashalov/udivitelnaya_yetimologia

<http://www.sportwear.ru/sprav>

Культурные образцы

Панов М.В. Словарь юного филолога. М.: Флинта, Наука, 2006.

Омонимы — это слова, которые звучат и пишутся одинаково, а по

РЕСУРСЫ

смыслу не имеют ничего общего (от греч. *homos* — «одинаковый», *опута* — «имя»). Примеры омонимов: *лук* — растение и *лук* — оружие для метания стрел, *топить* печку и *топить* корабли.

Некоторые слова пишутся одинаково, а произносятся по-разному: *замок* — *замок*, *парить* (бельё, овощи) — *парить* (в облаках). Это **омографы** (т.е. в буквальном переводе с греч. «одинаково пишущиеся»).

Бывает и наоборот: слова одинаково произносятся, а писать их надо по-разному: *пруд* и *прут*, *метал* и *металл*, *пять* и *пядь* (семи пядей во лбу). Это **омофоны** (т.е. «одинаково звучащие»).

Гаспаров М.Л. Занимательная Греция. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Атласом или *Атлантом* (в разных падежах по-разному) звали могучего титана, брата Прометея; за то, что он боролся против богов, ему велено было стоять на краю земли и поддерживать плечами небесный свод; а потом его обратили в высокую гору. Гора эта (вернее, целый массив) — в северной Африке, и до сих пор называется Атлас, а лежащий к западу от неё океан — Атлантический. В XVI в. знаменитый картограф Г. Меркатор, издав альбом географических карт, украсил его переплёт фигурой Атласа с огромной сферой на плечах. По этой фигуре все такие альбомы стали называть атласами. Название же ткани «атлас» совсем другого происхождения — от арабского слова, которое значит «гладкий».

Голосовкер Я.Э. Сказания о титанах. М.: Детская литература, 1994.

Часть 1. Сказание о титане Атланте и о счастливой Аркадии

В те далёкие времена, когда мудрость ещё не была седой, а была юной, как раннее утро, жил могучей жизнью в Счастливой Аркадии титан-исполин — брат Прометея Атлант. Было ему тысяча лет или ещё и ещё тысяча, о том не знали ни боги, ни люди. Годы и века скользили по нём, словно мимо него, а он оставался в расцвете сил, бессмертный, как каменная гора.

Опалённый молниями, пребывал во мраке тартара низвергнутый туда его отец, титан Япет. И, как все сыновья Япета, знал Атлант больше, чем другие титаны, и больше, чем того желали победители Кронида, боги Олимпа.

Но не любят боги тех, кто хочет быть мудрее богов.

Высоки Аркадские горы. Каменной грядой опоясали они Счастливую Аркадию, отделив её от угрюмо-бурных морей и печальных долин. И всех выше поднималась среди Аркадских гор Чудо-гора. И впрямь, не гора, а чудо!

На той Чудо-горе и жили титан-исполин Атлант и его семь дочерей титанид, по имени их матери, красавицы Плеоны, прозванных Плеядами — звёздными девушками.

Да и чем Плеяды не звёздные девушки! Разве есть ещё где-нибудь на земле такие сияющие девушки-титаниды, как на Чудо-горе, под небом Счастливой Аркадии! И пусть будут у них дети полубоги или боги, на небе

или на земле, — они всё те же Плеяды, звёздные девушки.

Был счастлив титан Атлант, так счастлив, что, бывало, говорили меж собой пастухи далеко за хребтом Тайгета:

— Есть на Чудо-горе невиданный сад, не доступный для смертных. Перед входом в сад стоит великан, счастливый Атлант, и на поднятых руках держит небо. А когда в полдень чудно сверкали каменные горы, говорили меж собой пастухи:

— Плеону встречает счастливый Атлант у небесной дороги.

А когда наступал вечер и зажигались первые звёзды, говорили меж собой пастухи:

— К счастливому Атланту, выйдя из моря, прошла через горы сияющая Айфра. Такое прозвище дали Плеоне пастухи. Семь дочерей у Атланта, семь Плеяд: шесть весёлых, а седьмая, Меропа, невесёлая. Весёлых любили бессмертные боги Олимпа, а невесёлая, Меропа, полюбила титана Сизифа. О, и сметлив же Сизиф! И смел умом. Не то что с богами — с самой Мойрой-Судьбой мог бы поспорить. Сам хотел быть ковачом своей судьбы. И за смелый ум полюбил Сизифа мудрый Атлант. Но и Сизифа не любили боги и таили коварные замыслы. И, как оно часто бывает при борьбе с коварным врагом, научился и Сизиф коварству: стал лукавейшим из лукавых. Поэтому много небылиц, как птицы на ягоды, налетело на жизнь Сизифа и поклевало правду о нём. Говорила одна птица-небылица, будто был смертен Сизиф и будто до того стыдилась Меропа своей любви к смертному, что, бывало, чуть станут играть сёстры Плеяды в мерцании звёздных огоньков, перебегая по ис-

полинским елям, уходила Меропа из хоровода сестёр, садилась одна над глубоким ущельем Киллены и окутывала лицо, словно шалью, туманом. Знал Сизиф о стыде Меропы, видел, как тускнеет она от смущения, что он смертен, и задумал Сизиф перехитрить Смерть. И когда повстречался со Смертью, обманул её, хитрец, умудрившись прожить две жизни. Вот каков был Сизиф! Уравнял себя с бессмертными богами.

Долго смеялся Атлант в Счастливой Аркадии над хитростью Сизифа. Ещё дольше смеялись боги Олимпа и, смеясь, даровали Сизифу бессмертие, да только не в жизни живой, а в жизни мёртвой — в тартаре: вечную казнь бесцельным трудом. По отвесному скату катил он в гору огромный камень — не камень, а солнце, не в гору, а в небо, но у самой вершины той горы до неба камень-солнце срывался и летел стремглав к подножию горы. И вновь катил его Сизиф в гору, будто солнце на купол неба.

И осталась смутной плеяда Меропа, навсегда устыдившись мира.

Так рассказывали века спустя о любви Меропы и Сизифа. Но бессмертен был титан Сизиф. Потому-то и вечную казнь казнили его боги в тартаре.

Был счастлив Атлант и так огромно-могуч, что, бывало, поднимал он руки к небу, мыл их в облаках, пуская облачные барашки, словно мыльную пену, и говорил, смеясь:

— Руки мои, руки, руки титана, так бы вами всё небо поднял над моей Чудо-горой и Аркадией!..

Слышали слова Атланта другие титаны и радовались. Но слышали их и боги Крониды. И лучше всех услышала их богиня Гера с её бурным ти-

тановым сердцем — сердцем Уранидов.

Самовластна богиня. Не боролась Гера с титанами. Не участвовала в великих битвах Уранидов с Кронидами. На дне Мировой реки, у праотца Океана, укрывалась в дни свержения титанов. И хотя была из рода Кронидов, враждовала с Зевсом и ревнивым глазом властительницы смотрела на его благосклонность к Плеядам.

Зачем хочет Кронид иметь от них сыновей? Что таит от неё? Неужели задумал сделать Геру безвластной? Так пусть же безвластным станет он сам!

Знала Гера о том, что были у Атланта ещё пять других дочерей — Гиады. Прозывали их Плачущими. Не жили Гиады на Чудо-горе — уходили в страны дождей и туманов, чтобы вместе с дождями оплакивать юношу Гиада. Растерзало юношу чудовище. Так ли, не так ли, но исходили по нём сестры Гиады от печали слезами.

— Ох, и доплачетесь вы! — бурчали им старые тучи. Потому и говорила Гера коварно богам:

— Что за дочери у Атланта? Одни — смеющиеся: Плеяды, а другие — плачущие: Гиады. Смеющихся утешают боги: от них богам утеха. Но никто из богов не утешит плачущих. Или так оно у бессмертных? Вот у смертных иначе: там смеху ни к чему утешение — утешают только печалющихся. Попробуйте-ка и вы, боги, утешать печалющихся.

Говорила и сама усмехалась в душе, скосив глаза на Кронида.

А Кронид уже на Киллене, в Аркадии, любит весёлой игрой Плеяд, любит Майей, Электрой, Тайгетой... Что-то слишком долго любит-

ся Зевс весёлыми титанидами с Чудо-горы.

Да проведал ли об этом Атлант?

Знает Гера: отважен и непреклонен Атлант — не примирился он с Зевсом. Прометей-Промыслителя, сына Япета, приковал Зевс к скале Кавказа. Потому-то и ушёл Атлант из-под власти миродержателя на свою Чудо-гору.

Как солнце, всевидящим мог бы быть Атлант. Но не захотел он всё видеть.

Закрыв глаза на мир Кронидов и только видел свою Чудо-гору, да юных титанов, да своих весёлых Плеяд-титанид.

Всё видеть мог бы Атлант, но предвидеть, как Прометей, не мог.

Говорила Плеона Атланту:

— Опасно не видеть мира.

И умел же Атлант ответить Плеоне:

— Моя Чудо-гора и есть мой мир. Не хочу я иного мира. Нет конца чуду жизни. Здесь, на Чудо-горе, открыты мне все чудеса. Всё здесь узнаёт Атлант.

Но не знал Атлант, что замыслил Кронид приманить Плеяд в небо, поближе к жилищам богов, похитить их из Счастливой Аркадии. А что замыслит всевластный бог, то он и выполнит.

Уже гремит на Олимпе грозное слово Кронида. А по правую руку Кронида богиня Дика-Правда сидит.

— Что задумал Атлант-кознодей, Япетово семя! Всезнающим быть захотел, мне — соперником? Захотел глубину моря жизни познать и грядущее видеть?

Криводушен Атлант, весь в замыслах тёмных. Не Атлант ли поднял титанов на Диониса, бога-ребёнка? Растерзали бога-ребёнка титаны. Не Атлант ли держит звёздных Плеяд в

плену на своей темнице-горе? Не Атлант ли нарушил заветы богов — рассказал титану Асопу, кто похитил его дочь, речную нимфу Эгину?

Что задумал теперь горный отшельник! На Кронида руки поднять? Будут бёдра в плечах у него! Будут руки в бёдрах его! Станет он Горой-Человеком. Придёт герой, окаменит тебя — и будешь ты, Гора-Человек, камнем-горой!

Но не знал прямодушно-мудрый Атлант о своих винах перед миром на своей Чудо-горе. Не знал, что жизнь прожить на Чудо-горе — уже вина перед богами.

Гремит грозное слово Кронида. А по правую руку Кронида богиня Дика-Правда сидит.

Услышала Гера грозное слово, унеслась с Олимпа, кличет зовом титановым Атланта. Опустилась к нему на дремучей Горе Вепрей — Эриманфе. Сказала:

— Береги Плеяд, Атлант! — И ударила об землю рукой — так ударила, что гул от удара докатился до самого тартара, где под стражей Сторукх томилась в оковах низверженные титаны Ураниды. Поклялась Уранидами Гера, что слова её непреложны; их призвала в свидетели.

Ещё не было такого случая, чтобы Кронида клялись подземными Уранидами.

Ничего больше не открыла Гера Атланту. Не могут боги открывать тайны других богов. Но не внял Атлант голосу Геры.

Что ему, Атланту, оберегать Плеяд! От кого? Как сказать вольным титанидам: «Не уходите за Чудо-гору»? Да и удержишь ли звёздных девушек!

Уйдут, убегут... Не хочет Атлант тёмных тревог: не залетают Керы-Бе-

ды на Чудо-гору. На то она и Чудо-гора. Не покинет Атлант своей Чудо-горы для тёмных тревог.

И всё же закружились Беды-тревоги вокруг Чудо-горы. Омрачилось счастье Атланта. Припомнил титан: как-то с высокого места окликнул он титана коринфской горы Эпопы, где живут солнечные титаны Гелиады, и видит: влечёт Зевс-похититель кого-то к морю. Ударило молотом в сердце титана. Прянул он с Чудо-горы на Эпопу и узнал в добыче Кронида речную нимфу Асопиду Эгину. Тут забрёл к нему на Чудо-гору престарелый водяной Асоп спросить Атланта, не видал ли он где Эгину? Не пошёл титан против титановой правды, открыл Атлант Асопу, кто похитил речную нимфу.

Не забудет ему Кронид, похититель Эгины, этой правды.

Был у Геры, некогда аргосской владычицы, верный страж, тысячеглазый Аргус Панопт, из рода титанов.

Как узнала Гера, что плеяда Майя родила на Киллене Зевсу Гермия-бога и что ночью похитит Зевс Плеяд-титанид, послала тотчас к Атланту на Чудо-гору тысячеглазого Аргуса. Любому титану доступна Чудо-гора. Не открыла Гера Аргусу всей своей думы. Только сказала:

— Возмути, Аргус, сердце Атланта. Замани его глазами на небо.

Знала Гера: чуть взойдет Атлант на Олимп и увидят друг друга титан и Кронид, вспыхнет тотчас нежданная битва. Одолеет Зевса титан — быть тогда Гере владычицей мира. Не возьмёт верх, — ну что ж! — полюбуется богиня битвой.

Объявился тысячеглазый Аргус на Чудо-горе. Там, на Чудо-горе, Аргус как дома. Взглянул на Атланта ты-

сячами глаз — так взглянул, будто все звёздное небо заглянуло в душу Атланта и замерцало в ней чудно. А глаза всё глядят да глядят на титана, входят в него лучами, завораживают, манят... И такую тоску по звёздам заронили в Атланте, и такую отвагу, что рванулось сердце титана — взбежать на небо, сорвать с него цветы-звезды и усеять ими Чудо-гору, и руки, и грудь, и ноги... Не для одних же богов цветы-звёзды небесные!

И забыл Атлант, что звёзды тоже боги. И забыл Атлант, что на Чудо-горе в звёзды играют Плеяды и что всё звёздное небо сверкает над Чудо-горю.

Заворожил Аргус Атланта. А раз что захотелось титану, так уж ничем не удержишь — добудет титан звёзды с неба.

Но не даст ему Кронид унести небесные звёзды на Чудо-гору. Оставит их Кронид миру богов. Задумался титан...

И шепнул тут Атланту Аргус:

— Береги Плеяд. Похитит их в эту ночь Всевластный Похититель.

Тогда поднял Атлант руки к небу, кликнул клич, созывая юных титанов: пусть кинутся с ним на Олимп.

К Мировой реке-океану, в мир мёртвой жизни ушли древние могучие титаны.

Туда их изгнали Кронида. Не осталось их в жизни живой. Но в Счастливой Аркадии и вокруг — на горе Тайгете и Эпопе — ещё жили их дети: не драконы, не звери-чудовища, а создания, как боги, прекрасные и сильные титановой правдой.

Вышли на клич Атланта титаны гор, и титаны рек, и титаны лесов один за другим. И стало их трое, и стало их пятеро, и стало их десятеро.

Десять титанов! Чего только не свершат в мире десять титанов! Устремились юноши-титаны вслед за Атлантом на Олимп, чтобы с Олимпа взбежать на небо.

Но уже ждал их взгремевший Кронид с перуном в руке. И на самых вершинах Олимпа, где богиня облаков Нефела пасла стада облачных коров, встретились бог и титан.

Один на один вышли в бой Атлант и Зевс. А другие юноши-титаны столкнулись с другими богами у стремнин и отрогов Олимпа. Рванулись руки Атланта к Крониду, хотят обхватить его мощь, с громами, с огнями-трезубцами, с грозовой главой, с эгидой-страшилищем, как тучи, косматой. Обхватят его титановы руки — не выпустят: зажмут, как стены ущелья зажимают Вихрь-Ураган. Тогда бесись не бесись, завывай, рви, разворачивай глыбы, раскалывай скалы огнями-копьями, взрывай воздух — не вырваться: задохнётся в ущелье Вихрь-Ураган.

Метнул Зевс молнии из огнемёта-перуна. Ловит Атлант их тройные жала руками. Что ему молнии! Мало ли плясуний-зарниц ловил титан в юности весёлыми руками, играя ими, как играют бликами дети. Но не зарницы злые молнии Зевса — жгут они и пронзают, опалили ладони и пальцы титана.

Молнию за молнией мечет Зевс. Позади Зевса Пегас, крылатый конь-молниевик. Сбросит конь-молниевик груз молний и летит на крыльях-вихрях к Лемносу, в подземную кузницу Киклопов, за новым запасом раскалённых жал. Куют кузнецы-Киклопы молнии Зевсу.

Молнию за молнией, злые трехзубцы мечет в противника Зевс. Уже

от плеча до запястья в сквозных ранах руки Атланта, будто не руки они, а соты на полнеба, ограбленные огненными осами.

Уже пронзают те осы плечи и грудь титана. Впиваются в бёдра, в бессмертные мышцы чёрными язвами. И у каждой мышцы свой голос, живой.

Стонет, кричит мышца от боли, просит у титана пощады: «Мне больно, Атлант!»

Но не сдастся, не отступит титан, весь в огне и дыму. Ухватить хочет Зевса руками. Да руки ли это?..

Обуглилось тело Атланта. Уже не покорны жилы отваге титана, и одно только упрямое сердце ведёт битву — сердце, крепкое правдой, как адамант.

Ослеплённый сверканьем перуна, оглушённый громами, ухватился Атлант со стоном за одну из вершин Олимпа. Отломить её силится и всей тяжестью бросить в бога.

Много их, вершин, на Олимпе! Ещё не кончилась битва.

Где же вы, братья-титаны? Где вы, юноши-исполины?

И видит Атлант, как один за другим летят они с воплем, вниз головой, корчась, в бездны, с неба на землю, титан за титаном — все десять... И золотые стрелы-лучи Аполлона дрожат в их пронзённых телах.

Обхватив левой рукой вершину Олимпа, повис Атлант над почвой земли.

А внизу свирепо рычит, обезумев, весь в пене Сперхей, вздымая волну за волной на помощь титану.

Но высок Олимп.

Сечёт, хлещет Зевс Атланта молниями.

И тут всей яростной мощью рванул Атлант скалу. Обломилась вер-

шина Олимпа, уступая мышцам исполина.

Скользит, свергаясь, огромное тело Атланта под бичами-огнями Крониды.

Всё быстрее паденье. И свергаются вслед за титаном с гулом и грохотом камни-громады, стволы-великаны и чудовища-змеи. А над ними в дымно-багровых клубах туч, нещадно хлещет и бичуя, — сам Кронид-грозовик.

И боги за ним любопытной толпой, так жестоко ликуя...

Не помнил обожжённый Атлант, как ударились его пяты о почву земли. Только сжал он дымящимися локтями поникшую голову, прикрываясь от молний-бичей и гонимый разъярённым врагом, в синем блеске небесных стрел куда-то бежал слепыми прыжками, бежал впервые за свою титанову жизнь.

Что под ним? Горы? Ущелья? Реки? Пустыни? О том не знают ноги Атланта — бегут, скачут и падают, встанут — и вновь бегут...

Уже самым огнём-перуном бичует Атланта Кронид и гонит, и гонит...

Куда? По путям? Без путей?..

Где твоё счастье, Атлант?

Истлели травы, чернели пески и камни под тяжко-огромной опалённой стопой титана. Обугливалась листва и кора деревьев. И, мгновенно испаряясь, иссыкала в ключах вода под жарким вихрем безумного бега Атланта.

Сорвалась богиня облаков Нефела с Олимпа. Хочет влажно-прохладным облаком окутать Атланта, охладить жар его горящей головы.

Но отбросил свирепо Зевс облако, разорвал, как шкуру овечью, раз-

РЕСУРСЫ

метал ключья по воздуху. И бледным призраком укрылась Нефела от гнева Кронида за спиной Геры в чёрных тучах.

Так до самого края земли гнал Атланта к океану победитель Кронид. И грома повторяли раскатами голос Кронида:

— Горе, горе тебе, Гора-Человек! Будут ноги в плечах у тебя! Будут руки в бёдрах твоих!

Высоки берега Мировой реки-океана. Как огромные зубцы гребня-великана, поднимаются они отвесно, уступами, над тёмными водами. Между зубцами гребня, извиваясь глубокими прорывами, тянутся к океану голые ущелья, но у самых вод стелются устья ущелий пурпуром песков.

Ночь. Стихла битва. Зияя чёрными ранами, лежало иссечённое огромное тело Атланта у вод океана, на высоком гребне, всё в рубцах, словно кто письменами-исполинами испещрил его по обугленной коже. Одна рука титана свисала недвижно над пурпуром песков, другая тонула во мгле ущелья.

Что за пир вокруг тела титана? Кто вы, гости ночные? Не птицы, не звери, не нетопыри. Без крыльев реют и выются — легче воздуха, духа жизни... Это Тени-скиталицы непогрёбённых, те, что блуждают над почвой земли. Закрыты для них врата Аида.

Жадной стаей приникли Тени к телу титана. Как псы, лижут раны Атланта, выпивают по капле жизнь — его бессмертную кровь, отгоняя друг друга. И над ними, ныряя, взлетая, с воем кружатся в полудрёме стаи отверженных Теней: отогнали их Счастливые Тени. И сколько их! Борются, бьются за кровь. Только б каплю ис-

пить... И вот оживут — на мгновенье. О, как дорого это мгновенье! Сколько в нём!.. Не века — мириады веков.

— Дай припасть! Дай мне выпить... Ещё каплю... одну... Дай ожить...

Но жестоко отгоняют молящих новые толпы Теней, отрывая их рот от ран Атланта. Кружатся, реют Тени — кружатся, реют и молят:

— О, ещё бы мгновенье!..

И поют, засыпая, Тени прощальную песнь — песнь Времени-Хроносу:

О, кто знает, как мерится Время?

В нём часы — не часы.

Вы спросите звезду. Она скажет:

Век? — Он краток, как миг.

Миг? — Он долог, как век.

Только там, где кончается Время,

Поднимается Чудо-гора.

Дольше долгого сна титана

Для Теней мгновение жизни,

Если нет во сне Сновидений

Близ реки Мировой, океана,

Где багряный берег заката.

Ночь закрывала ворота. Из-за гор океана бледно тянулся сумрак.

Кончен пир. Улетели испуганные Тени.

Видел рассвет, видел Утренник-Пирфорос на крылатом алом коне, предвестник Эос-Зари, как всё ещё дымилось почерневшее тело титана и зияли на нём по-прежнему раны меж багровых борозд от молний-бичей.

Вздохнул океан.

И вышли из вод океана на берег сёстры-океаниды. Волосами отёрли тело титана — золотыми, зелёными. Обласкали раны губами. И запели Гимн исцеления.

Знали титаниды океана: нет лекарства целительнее, чем песня. И

под песню заживали раны Атланта.
Повелели волшебницы вод:

— Встань, Атлант!

Но недвижимым оставалось бессмертное тело титана... И вздохнули печально сёстры-океаниды:

— Мы бессильны! Пусть Атланта пробудит отец Океан.

И вот вынырнул по пояс из чёрных вод праотец богов, древний титан Океан. Подплыл к берегу. Словно мхи водяные в игре перламутра, словно агатов-сапфиров сияние, так диковинно-чудно мерцала сила Отца потоков и рек.

Положил титан Океан руки на тело Атланта. Повелел:

— Встань, Атлант!

Но безгласно, мёртвой громадой оставалось лежать бессмертное тело титана.

Удивился отец Океан. Уже давно тому, годы-века, как ушёл он на дно Мировой реки от живой жизни земли и от горя земного. И покинула Океана власть над силой живой. Не повинуется ему, древнему, жизнь тела.

— Я бессилён! — вздохнул Океан.
— Не поднять мне гору горя титана.

Пусть сильнейший или тот, кто древнее меня, Океана, поднимет Атланта.

Погрузился седой Океан в глубины вод мировых.

И пришёл не сильнейший, а мальчик.

И задорно же крикнул мальчик:

— Пойте, пойте, сёстры-океаниды, колыбельную песню титану Атланту!

Новорождённый встанет. Пойте, пойте, океаниды! Я люблю колыбельные песни.

Подбежал мальчик к телу Атланта. Говорит:

— Я — сын Майи-плеяды, Гермий, твой внук. Дед богов, что лежишь и молчишь? Я пришёл поиграть с тобой в небо и землю. Удержал бы ты небо на руках?

Открыл глаза Атлант, посмотрел на мальчика-бога. И снова закрыл их.

А хитрец Гермий твердит своё:

— Говорила мне мать, Майя-плеяда, будто нет на земле у прабабушки Геи никого, кто был бы так могуч, как Атлант. Если правда, что ты так могуч, подними-ка небо руками, оторви его от земли!

Открыл глаза Атлант, посмотрел на мальчика-бога. И снова закрыл их.

Не знал Атлант, что Кронид-бичеватель дальновиден: речью ребёнка искушает его титанову силу. Не знал Атлант, что перед ним дитя-искуситель.

Лежал тогда край неба у края земли на каменных хребтах берега и скатом падал в Красные моря. Омывали небоскат морские волны, и тот, кто выплывал в открытое море, видел всегда впереди, как моют небоскат волны моря. И хочет доплыть до него, до этого небесного ската, — плывёт, плывёт, но не может: всё впереди тот небесный скат.

А хитрец Гермий всё твердит своё:

— Разве есть кто сильнее тебя? Сам Кронид не поднял бы неба. Подними, я помогу тебе, дед. Или титаны Япетиды не сильнее Кронидов?

В третий раз открыл глаза Атлант, посмотрел на мальчика-бога. И снова закрыл их.

А хитрец Гермий всё твердит своё:

— Встань, Атлант! Подними небо на плечи титановой силой, встряхни его крепко. Пусть попляшут на нём

боги Кронида, пусть попрыгают с неба на землю. А мы будем смеяться и бить в ладоши. Ох, какие же у тебя большие ладони! Хлопнешь ими — и загремят они громче громов Кронида. Потряси небо, дед. Давай играть вместе в небо и землю: ты да я. Встань, Атлант!

И услышал Атлант это «встань». Охватила Атланта радость. Поднял он своё тело с земли, шагнул через гребень и вырос над берегом Горою перед мальчиком-богом. И вот уже взялся он руками за край неба — и приподнял. Тяжко небо. Ушли ноги титана под тяжестью неба глубоко в почву земли — так глубоко, как уходит подошва горы. Упёр он изогнутые ладони в край свода, стиснул его пальцами, поднимает небо всё выше. Уже до поясицы поднял небо Атлант, а мальчик-бог ему задорно кричит:

— Выше, дед, выше! Поиграем в землю и небо!

Ещё выше поднял Атлант небо, до самой груди донёс. А мальчик-бог не унимается:

— Ещё, ещё выше! Подними выше головы, чтобы видел Кронид нашу мощь титанов. И выше головы поднял небо Атлант. Вдавился в ладони и пальцы хрустальный край. Ниже склонил титан голову и опустил небо на плечи... И вот хотел было он подбросить небо всей титановой мощью вверх, чтобы грохнуть им оземь, но не отнять ему рук от края небосвода. Будто припаялись к небу руки ладонями, будто вросли в него. Не разогнуть, не оторвать. Стали руки словно каменные. И сам Атлант словно окаменел. Хочет приподнять склонённую голову, хочет развернуть плечи — и не может титан.

Тут забил мальчик-бог, искуситель, в ладоши:

— Что же ты не потрясёшь небо. Атлант? Что не сбросишь его с плеч обратно на землю? Вот стоишь ты теперь предо мною Горой-Человеком. А Кронида не прыгают с неба на землю. Быть может, только смеются.

И засмеялся Гермий-обманщик:

— Кто же теперь сильнее: ты — титан, или я — бог из рода Кронидов? Ты, прикованный руками к небу, или я, житель неба и вестник богов-победителей?

И вторично засмеялся Гермий-обманщик:

— Вот и поиграли мы с тобою в землю и небо! Стой же, Атлант-Небодержатель, небесным столпом Заката. Перекликайся с титаном, прикованным на другом краю земли, — со столпом Восхода, с Прометеем.

Перекликайтесь, Япетиды! А боги сядут за пир. Не услышат ни боги, ни люди вашего голоса из-за граней земли.

Ничего не ответил обманутый титан, только выдохнул разом воздух из грудных мехов, как из горна. Дунул — и нет Гермия: унесло Гермия-бога, словно пушинку.

С той поры стал Гермий пустым и лёгким, вечным прислужником богов и водителем Теней — таким пустым и лёгким, будто продул его Атлант насквозь и выдул из него и огонь титанов и уранову небесную гордость. Всё хитрил, изворачивался, ловчился Гермий и из всех кривых путей знал наикривой — такой, до которого и Кривда не додумалась.

Час, век или века стоял Атлант столпом неба на крайней грани земли в пределах Атлантовых, — кто знает. Но вот он однажды вздохнул:

— Где же ты, моя Чудо-гора? Как-то, помню, говорил я тебе: «Пока ты стоишь в Счастливой Аркадии, до тех пор ни громы, ни молнии не низвергнут Атланта в тартар. И нет для него ни оков, ни цепей, ни молотов. Бессилен Кронид перед Чудо-горой. Теперь небо в руках Атланта. Ещё придёт мой титанов час. Ещё стоит моя Чудо-гора в Счастливой Аркадии. И нет такой другой Чудо-горы на свете.

Но совершилось невиданное дело. Пришлось земле и прежде не виданное увидеть. Не стало вдруг Чудо-горы в Счастливой Аркадии. Слетелись к Чудо-горе со всех четырёх сторон света стоустые сёстры. И у каждой сестры одно и то же имя: Молва. Все слетелись, какие ни есть. И ещё, и ещё летят, несутся на всех земных ветрах, и такая их тьма, что от края до края заполнили небо над Счастливой Аркадией. Облакам — и тем некуда выбежать. Куда ни взглянешь — кругом Молва да Молва, да Молва... Налетели, заторопились, заговорили все разом, замахали все разом крыльями, задули всеми ветрами, накинулись на Чудо-гору, подняли её — и унесли под такую тысячеголосицу за край земли, туда, куда Ветер-Борей стужи не занесёт: в дальнюю Гиперборею, за сад Гесперид.

Так не стало в Счастливой Аркадии ни Чудо-горы, ни Плеоны, сходящей с неба, ни титана Атланта. А на том месте, где возвышалась Чудо-гора, остался меж горных хребтов пустой котёл, и в нём варились туманы.

Не дошла весть об исчезновении Чудо-горы до Атланта. Не знал он, что уже нет в Аркадии Чудо-горы. Но как-то поглядел Атлант одним глазом за океан. И увидел он вдруг за океаном

свою родную Чудо-гору — увидел и не узнал.

Не ласкались к ней ветерки, не звенели на ней ключи и листва, не пели птицы, не рыскали звери, не шелестели травы. Безмолвно, недвижимо стояли её голые леса, и бестравные луга, и застывшие воды. Только туманы клубились, то скрывая её от глаз, то вновь открывая, — словно она не Чудо-гора, а могила Атланта.

И вспомнил Атлант, как прорицала ему некогда Гея-Земля:

«Будет могуч Атлант. Но Атлант не сильнее Ананки-Неотвратимости».

— Так вот какова ты, Ананка! Когда Атлант жил в Счастливой Аркадии, был он мудрой душой доверчиво прост, и часто говорил ему дремуче-угрюмый Тайгет: «Берегись, Атлант, самого себя. Страшнее Сторучих тартара каждый сам себе. Слишком широко ты открыл глаза перед миром, распахнул ворота души. Вынесут из них воры твою титанову силу. Мудр ты, да прям. А кто прям, тот упрям, знать не хочет, что часто кривые пути короче прямых. Взгляни на меня: весь я в рогатках да в щелях-теснинах; прищурился, ошетинился. Подступи-ка ко мне — не порадуеться! А зато внутри у меня, в местах потаённых, пастбища вольные, ковры на лугах: нежься! А у тебя, куда ни взглянешь, всё исполины, словно на показ: и кедры, и воды, и кручи, и скалы... Ка-ак рухнут! Берегись, Атлант, своей мощи». Склонив голову под тяжестью неба, чуть качивается Гора-Человек и грезит в дрёме. Что теперь осталось ему, титану? Думы и сны. И грезит Атлант, Гора-Человек, и думает думы. Погружает он думы на дно морское. Возносит их до звёзд.

И понял Атлант, что думу можно любить и что с думой никто не одинок. И, полюбив думу, полюбил он и звёзды, и глубь морей. И чем глубже понимал, тем глубже любил. Так постиг Атлант, что дума есть тоже жизнь, и такая большая, как он сам — Гора-Человек. Но нужны для дум голоса живой жизни. В мёртвой жизни думы мертвеют. Станут, как камни, тяжёлыми. И сам Атлант-Небодержатель окаменеет. И, озирая мёртвый мир, грезил тогда Атлант о былой жизни. Снилось ему в сумраке дней далёкая Аркадия, снилась река Ладон и её юный титан — тоже Ладон, сын древнего морского титана Форкия. Бывало, в весёлое половодье, когда высоко вздымалась река и юный Ладон, выйдя по колена из вод, садился рядом с Атлантом, прислонясь спиной к склону Чудо-горы, и обнимал широко распахнутыми руками дубы и буки-великаны, — как смеялись тогда оба титана. Атлант и Ладон, под небом Счастливой Аркадии!

Говорил Атлант Ладону:

«Ты многоводен, Форкид, и, как тартар, глубок. Моешь в тартаре ноги».

И отвечал Ладон Атланту:

«Так, Япетид: я, Ладон, глубок, как тартар. Мою в тартаре ноги».

И смеялись оба титана над шуткой. Разве может быть тартар под Счастливой Аркадией!

А в звёздные ночи думал Атлант над чёрными водами океана о своих дочерях, о звёздных девушках — весёлых Плеядах.

Любовался, бывало, ими Атлант, как они девичьей гурьбой носились по горным тропам, по краю ущелий, вперегонки с золоторогой подругой — ланью Артемиды, как перескакивали через пропасти, с вершины на

вершину, со звонким призывом: «О-ё-го! О-ё-го!» Где только не бывали они! В какой дубраве, в какой чаще... От каких зверей уходили! За какими гонялись!.. Но раз погнался за Плеядами Истребитель зверей — великан Орион, прозванный Звёздным Охотником, беспощадный красавец. Только звёзды ночи равны красотой Ориону. Ему бы и гоняться за звёздами. Не рука ли Кронида направила его? Побежали Плеяды, все семь. Несутся что есть силы, всё быстрее и быстрее бегут. А Охотник за ними, всё ближе и ближе... Так бегут, что только видно мерцание над землёй в летучем воздухе, а девушек нет. И сверкает вслед за мерцанием беспощадной красотой Орион.

Что за бег по Чудо-горе? Стояла ещё тогда Чудо-гора в Аркадии. Пронесли Плеяды через каменный кряж, понесли по волнам моря, по либийским пескам, всё мимо да мимо, всё дальше и дальше, и вот уж некуда дальше — впереди океан. Добежали Плеяды до края земли, где столпы небесные в клубах тумана. Задержаться нельзя: позади уже гудит на бегу медной палицей Орион, кружит её колесом. Уж хотели сёстры-Плеяды кинуться в океан и кануть навеки. Но вдруг разошлись перед ними, как завесы, вправо и влево, туманы. Открылась гора впереди, и не просто гора, а Гора-Человек. Стоит Гора, и смотрят на них с вершины Горы, изпод косматых седых утёсов-бровей, отчим взором глаза. Только одни такие глаза есть на земле — у Атланта. Взметнулись сёстры-Плеяды, поднял их вздохом к себе отец Атлант. Ударились они о его каменную грудь, обернулись в голубок и уселись на седилах груди, по мшистому покрову сер-

дца. А безумный Охотник уже метит медной палицей в голубок, вертит её колесом, и, как звёзды, горят глаза безумца. Тогда глухо заговорил Гора-Человек: «Что преследуешь моих дочерей-титанид, Истребитель? Стонет Гея — праматерь Земля от твоих безумных убийств. Уже камни горят у тебя под ногами. Ненавидит тебя всё живое. Отступи от меня, Орион, или обрушу на тебя небосвод».

Узнал великан Орион древнего титана Небодержателя. Но не умел отступить Орион, не умел сдерживать медной палицы. Вырвалась она с гулом из рук Звёздного Охотника, но не в грудь угодила Атланту, а понеслась к ранней звезде на небе. В испуге вспорхнули голубки и всей стаей полетели вслед за палицей красавца Ориона, замерцали над небесной дорогой. А за ними в погону — Орион.

Выполнил Кронид, что замыслил: стали Плеяды, звёздные девушки с Чудо-горы, звёздными девушками неба близ жилищ богов.

Методический комментарий

Поскольку задача имеет метапредметный характер, необходимо, чтобы конечным продуктом детей, кроме прочих, стал кластер, структурирующий объёмное знание в короткую справку понятий: *омофоны: атлас — Атлас; омографы: атлас — атлас; атлас — ткань; атлас — собрание географических карт; Атлас — титан Атлант (миф), горы в Африке; Атлантический океан.*

Обращение к тексту «Сказаний о титанах» Голосовкера Я.Э. должно быть неоднократным после решения задачи, так как он имеет высокую художественную ценность и может стать предметом исследования с точки зрения языка. Например, «Сказание о титане Атланте» подарило крылатую фразу «Аркадская идиллия», даёт вариант интерпретации фразеологизма «Сизифов труд», мифологическую версию происхождения слова «плеяда» и т.д.